

Как богатыри на Москву ходили

Инна Ивановна Фидянина

Былинки от Инки

Инна Фидянина

Как богатыри на Москву ходили

«Автор»

2023

Фидянина И. И.

Как богатыри на Москву ходили / И. И. Фидянина — «Автор»,
2023

Вот такое у сказки начало: кот дремал, бабка вязала. Я расстраивалась не на шутку: по Кремлю ходили мишутки, а по площади Красной бабы ряженные. Не, нам таких даром не надо! Ведь мы расстегаи растягивали, притчи, былины слагивали да песни дурные пели о том, как ёлки и ели заполонили все огороды, встали, стоят хороводом, в лес уходить не хотят. Звали мы местных ребят. Те приходили, на ели глядели, но выкорчёвывать их не хотели, а также плевались жутко, во всём обвиняли мишуток и уходили. В спины что-то мы им говорили. В ответ матерились ребята. Жизнь как жизнь, за утратой утрата. А ели росли и крепили, доросли до Москвы и влезли прямо на царский трон. Стала ель у нас царём. А как стала, издала указ: «На ёлки, ели не лазь! Кто залезет, исчезнет совсем». Вот жуть то! Указ раздали всем от мала до велика. Вот и ходи, хихикай о том, как наши ели во Кремле засели. А тем временем ёлки с подворий вытолкали тёлку, быка, свиней, козлят. Мужики на елях спят, на хвойных кашу варят.....

Содержание

О том, как богатыри на Москву ходили	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Инна Фидянина

Как богатыри на Москву ходили

*На кого бы я Русь ни повесила —
последствия я не взвесила.*

О том, как богатыри на Москву ходили

1. О том, как наши ели во Кремле засели

Новая сказка, новая ложь:
где быль, где небыль не поймёшь.
Вот такое у сказки начало:
кот дремал, бабка вязала.
Я расстраивалась не на шутку:
по Кремлю ходили мишутки,
а по площади Красной бабы
ряженные.
Не, нам таких даром не надо!
Ведь мы расстегаи растягивали,
притчи, былины слагивали
да песни дурные пели
о том, как ёлки и ели
заполонили все огороды,
встали, стоят хороводом,
в лес уходить не хотят.

Звали мы местных ребят.
Те приходили, на ели глядели,
но выкорчёвывать их не хотели,
а также плевались жутко,
во всём обвиняли мишуток
и уходили.
В спины что-то мы им говорили.
В ответ матерились ребята.
Жизнь как жизнь,
за утратой утрата.

А ели росли и крепили,
доросли до Москвы и влезли
прямо на царский трон.
Стала ель у нас царём.
А как стала, издала указ:

«На ёлки, ели не лазь!
Кто залезет, исчезнет совсем».
Вот жуть то!
Указ раздали всем
от мала до велика.
Вот и ходи, хихикай
о том, как наши ели
во Кремле засели.

А тем временем ёлки
с подворий вытолкали тёлку,
быка, свиней, козлят.
Мужики на елях спят,
на хвойных кашу варят,
шалаша меж веток ставят
и хнычут,
казаков на помощь кличут.
Казаки, казаки, казачата,
смешны, озорны, патлаты
прискакали до Москвы
и в разгул у нас пошли:
ряженных московских баб
стали звать к себе в отряд.

Мужики, мужики, мужичишки
плюнули в свои кулачишки
и на Киев-град косясь,
айда звать богатырят:
– Богатыри, богатыри,
богатыречочки!
Мы тут хилы,
яки дряблы мужичочки.
Приходите вы к нам
ножками аршинными
вырывайте ручонками
длинными
эти ёлки, ели проклятуши.
Пусть уж лучше
трон займёт мишуще
да медведица с кучей медвежат.
Наши детки жить на елях не хотят!

А бога-бога-богатыри
как раз шли из Твери
да в свой стольный Киев-град
тырить там... да всё подряд!
Услыхали тако диво:
ели стали жить спесиво!
И решили посмотреть:

что ещё в Кремле спереть?
Развернулись и пошли
бога-бога-богатыри:
от Твери и до Кремля
один-два да три шага.
Вот дошли до Москвы
бога-бога-богатыри
и устали,
стеною ели встали.

— Что же делать, как же быть?
Надо б пилами пилить
иль с корнями вырывать.
Всё работать, не плевать!
Ай чегой-то неохота.
Эт рутинная работа:
ни война и ни сечь.
Надо б силушку беречь, —
отвечают великаны. —
Здесь помогут лишь Иваны.
Кличьте лучше мужиков,
им сподручней ломать дров!

Мы потёрли свои лбы:
— Ведь Иваны это мы!
Надо б, братцы, пилы брать,
не подмога эта рать.
Эта рать, которой надо
сто кило ещё в награду
злата, серебра собрать.
Не, нам столько не украсть
да из царской, из казны.
А ну, в свой Киев брысь, пошли!

Ну вот, ушли богатыри,
а мы за пилы, топоры
и на лес пошли войной.
Что ни Ванька, то герой!
Допилили до Кремля, устали.
Ели, пихты стеной встали
и ясно дали нам понять:
«Кремлёвский лес нельзя ломать!»
И к этому слову-приказу
мишутки из леса вылазят,
и рычат на нас сердито:
— Наша площадь. Всё, забито, —
и пошли напролом. —
Мужичью бока намнём!

Итак, бока были наматы,
богатырешки прокляты,
и на века те ёлки, ели
во Кремле нашем засели
с медведями, мишутками.
А это уж не шутки вам:
искать во всём виноватых
и без того поломатых,
простых Иванов-мужиков.
(Я стих пишу, живу без снов.
Сейчас придут, повяжут,
а повязав, накажут:
на каторгу отправят жить —
на Сахалин. Вот там дружить
и буду я с медведями
да с лисами-соседями.)

2. Женитьба Алеши Поповича

Это всё была не сказка,
а присказка.
Ай, перекинем мы свой взгляд
да на славный Киев-град,
где сказка только начинается.
Богатырешка венчается
на бабе русской:
наполовину белорусской,
пополам буряткой,
на треть с Молдовы братской.
Хорошая была свадьба,
скажу я вам!
И как бы ни чесалась
вша по бородам
угостей, да и у князя
нашего Вована,
но и тот не нашёл изъяна
на том пиру почётном.
Ведь в бою потешном,
перекрёстном
меж брательничками богатырями
складывались рядами
почему-то простые крестьяне,
то бишь, мы с вами.

Вот так складывались мы

и ложились,
а потом вставали и бились
за трон могучий.
Ну, кто из нас, Иванов, круче?
Крутым сказался дед Панас:
он два-три слова
недобрых припас
и на княжеский трон взобрался:
как сел, так и не сдался
до самых тех пор,
пока князь Вован
не вышел во двор
и богатырей ни покликал.
Богатырешки лики
еле как оторвали от браги
и как вдарят с размаху!
В общем,
осталась от Апанасия
горка дерьма.
Тут умная мысль
в голову князя пришла:
«Надо бы идти Московию брать,
ведь куда ни глянь во дворе,
езде рать!»

Вот тут-то сказка
только начинается.
Значит, богатырешка венчается.
Ай и обвенчаться не успел,
ждёт Алешку нашего удел:
скакать до самого севера,
русичей ложить, ой, немерено!
Ой, намеренно
на святую Русь пойдёт
войско-рать
ни за что помирать,
ни про что погибать,
в бою кости класть да суровые:
ни за рубль, ни за два, за целковые.
Только свадебка наша кончается,
так и войско-рать собирается.
Это войско-рать
нам на пальчиках считать.

Илья Муромец
да крестьянский сын.
Чурило Пленкович
с тех краёв чи Крым.
Михаил Потык,

он кочевник сам.
Алешенька Попович
хитёр не по годам.
Святогор большой —
богатырь-гора.
Селянович Микула —
оратай (плуг, поля).
Ну и Добрыня Никитич
рода княжеского.
И чтоб за трон не бился,
был спроважен он
князем киевским да в Московию:
«Пушай там трон берёт.
Вот и пристроим его,
да женим на княжне
сугубо здоровой
из Мордовии иль с Ростова!»

А Настасья
дочь Петровична рыдала:
мужа молодого провожала
Алешу свет Поповича куда-то
на погибель
иль на свадьбу новую к патлатым
русским не побритым мужикам,
сытым, пьяным прямо в хлам!

Алешка, тот тоже рыдает,
на погибель его отправляют
иль на новую сытую свадьбу:
— Там, Настасьюшка,
справим усадьбу
и на север жить переедем.
Две усадьбы на зависть соседям,
одна в Киеве, другая в Москве!

— Хорошо,
что ты женился на мне! —
Настенька сладко вздохнула и
мужу в котомку впихнула
яиц штук пятьсот,
кур жареных восемьсот,
тыщу с лишним горбушек хлеба
и то, на что нам смотреть не треба:
платочек ручной работы —
памятка от жены. В охотку
присядет богатырь,
всплакнёт, носик вытрет,
супружницу вспомнит и выйдет

мысль дурна да похабна.
В общем, заговорён
платок был троекратно.

3. Воевода Микула Селянович

По-тихому
дружиннички собирались,
со дворов
всё, что смогли, прибрали:
кур, свиней да пшена в дорогу,
в общем,
с каждой хаты понемногу.
Крестьяне,
конечно же, матерились.
На недоброе отношение
богатыри дивились.
Но ту злобу мужичью волчью
терпели молча,
уводя телка последнего из сарая.
Что поделаешь, доля плохая
у былинных детин могучих.
И на обещания: «Жить будете круче!»
селяне не реагировали.

Вздохнули богатыри и двинули
на севера холодные.
Одно радовало, шли не голодные.
Хорошо ли, худо шли,
расскажем далее.
Марш-бросок
вроде не до Израиля,
но всё же,
прокорми-ка эти рожи!
Поэтому Микула Селянович,
наш аграрий,
по харе каждому вдарил
и на котомки богатырские навесил
стопудовые замочки,
а с вином бочки
за пазуху смело засунул
и вперед дружинушки двинул.

Нет, Микулушка,
конечно, не тиран:

ежедневно к обеду был пьян
и спал под берёзкою крепко,
а его дружина обедала,
так как ключик легко доставался.
А как Селянович просыпался,
так всё начинал сначала:
замочки пудовые закрывал он,
с вином бочки кидал за пазуху
и далеко усакивал,
на милю вперёд бежал:
— Ай, монгол там не скакал? —
бачил.
Богатыри ж судачат:
— Вроде Муромец Илья
воеводой был всегда.

Но история — дело тонкое.
Сегодня ты на коне,
а завтра звонкие
кандалы на ноженьках, цепи.
Держись поэтому крепко
за уздечку, степной богатырь,
поезжай позади да смотри:
не бегут ли за вами черти
бедовестники — вестники смерти.

4. Богатыри встречают бабу Ягу

Долго ли, коротко шла рать —
нам неинтересно.
Вдруг выходит из леса,
из самой глубокой чащи
чёрт и глаза таращит:
— Вы куда это, витязи ратные?
На вас копья, мечи булатные,
да кобылы под вами устали.
Отдохнуть не желаете?
— Да, да, притомились, наверно.
Где тут, чертишка, таверна?
— Дык поблизости есть избушка
на курьих ножках,
в ней дева (старушка)
пирогам всех угощает
да наливает заморского чаю,
а после печку по чёрному топит

и в баньке парит
приблудных (мочит).

Раззявили рты служивые:
– Тормози, Микула, дружину! —
орут Селяновичу с эхом. —
Утомились братья твои, приехали.

Что поделаешь,
с солдатнёю спорить опасно:
на кол посадят, съедят припасы.
Развернул воевода
процессию к лесу
в поисках бабьего интересу.
Подъезжают к избе, заходят.
Там баба-краса не ходит,
а лебёдушкой
между столов летает,
чай заморский разливают
в чаши аршинные,
песни поёт былинные.
А на скатертях яств горами:
капусты квашеной с пирогами
навалено до потолка.
– Как звать-величать тебя, дочка?

Девушка-краса краснеет
да так, что не понимает
имени своего очень долго:
– Кажись, меня кличут Ольгой.
– Ну, Олюшка, наливай
нам свой заморский чай!

Выпили богатыри, раскраснелись.
Глядь во двор, там банька алеет:
истоплена дюже жарко —
дров бабе Яге не жалко!
Не жалко ей и самовару,
мужланам зелье своё подливает
да приговаривает:
– Кипи, бурли моё варево;
плохая жизнь, как ярмо,
пора бы бросить её;
хорошая жизнь, как марево;
был богатырь, уварим его!

Воины пили чай и хмелели.
Лишь Потык,
прислушался он к напеву,

бровь суровую нахмурил,
в ус мужицкий дунул,
усмехнулся междометием,
насупился столетием
и подумал о чём-то своём —
мы не узнаем о том.
А посему сын полей не пил,
пригублял
да в рукав отраву выливал.

А баба Яга, то бишь Олюшка,
как боярыня, ведёт бровушкой,
глазками лукавыми подмигивает,
ласковым соловушкой пиликает
речи свои сладкие.
А брательнички падкие
на бабью ворожбу,
рты раззявили, ржут!

Вот и Алеша Попович
хочет Ольгу до колик:
норовит идти в опочивальню,
губки жирные вытирает
платочком вышиванным,
супругой в дорогу данным.
Только губы свои вытер,
так в деде красной заметил
на лице глубокие морщины,
глаз косой, беззубый рот и вымя.
В обморок упал, лежит, молчит.
А гульбище богатырское гудит!

Если есть богатырь, будет драка.
Если есть на свете честь,
то её сваха
в кулачных боях похмельных
да в сценах сладких, постельных.
Народится сынок —
богатырчик тебе вот!
А коль снова девка,
значит, все на спевку.
Гой еси, гой еси,
ходят бабы, мужики
по дорогам, по дворам
сыты, пьяные в хлам!
Если есть богатырь,
будет драка.
Если есть на свете честь,
то её плаха

навсегда на планете застрянет.
Не хотели мы пить, но тянет!

Пели воины такую песню,
и жизнь казалась им
неинтересной.
Тут встал Святогор
и сказал, казалось, с гор:
– Была бы баллада,
но как-то не надо;
была бы идея,
да брага поспела.
Выходи-ка, Илья, дратися,
коли делать больше нечего.

И поднялся Илья Муромец
да закричал, как будто с Мурома:
– Гой еси, добры молодцы!
Да не перевелись богатыри
на чёрной земле пока что.
Кто не битися-махатися,
тот под столом валятися, —
и пошёл на Святогора
в бой кулачный.

«Что же делаешь ты, мальчик! —
с неба, вроде бы,
всплакнули боги. —
Ты пошто полез
на сына бога Рода
да на родного брата Сварога.
Но куда тебе, прыщу,
завалить вон ту гору?»

Но богатырь Илюша Муромец,
то ли от ума, а толь от тупости,
взял лежащую рядом дубину
и по ноженькам
Святогора двинул.
Сразу подкосился богатырь-гора,
из-под его ног ушла черна земля.
И упал богатырь,
и не встал богатырь.

«Второй лежит, —
баба Яга подумала
и дров в печурку подсунула. —
Гори, гори, моя печка,
всё сожги, оставь лишь колечко

обручальное с пальца Алешки».

Мужики, мужики, мужичочки
медовухой заткнули дышло,
вот тут-то дух богатырский
и вышел
из нашей дружины.
Эх вы, былинные!
Развалились и лежат,
в ладоши хлопать не хотят.
Лежит и Михайло Потык,
но глаз у него приоткрыт,
да думу думат голова:
«Что за нечисть нас взяла?»

А дева Ольга-краса
в каждую руку взяла
по одному богатырю
и тянет к баньке, да в трубу
запихивает, старается.
Потык хотел было не маяться,
а встать на ноженьки. Не смог,
от усилия аж взмок.
Нет, не получается.
Девка к нему приближается,
берёт за леву ноженьку,
волочёт к пороженьку
и бросает прямо в печь.

— Ух и смердит же человек! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.